

Китайская версия

«СПИСКА ШИНДЛЕРА»

ЗАБУДЬ МЕНЯ

Сю Фэнг

Сильнее смерти. Невероятные истории силы духа

Сю ФЭНГ

**Забудь меня. Китайская
версия «Списка Шиндлера»**

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.581-31
ББК 84(5Кит)-44

Фэнг С.

Забудь меня. Китайская версия «Списка Шиндлера» / С. Фэнг — «Эксмо», 2021 — (Сильнее смерти. Невероятные истории силы духа)

ISBN 978-5-04-216175-9

История национальной героини двух стран – Китая и Бельгии – китаянки Цянь Сюлин, спасшей более ста бельгийских антифашистов от нацистских казней. Во время Второй мировой войны Цянь Сюлин спасла не менее 110 бельгийцев от казни немецкими нацистами. Несмотря на все риски, Цянь, медсестра из отдаленной деревни, объединилась с немецким генералом Александром фон Фалькенхаузенем, чтобы вызволять людей из застенков гестапо. Как молодая хрупкая китаянка из патриархального Китая оказалась в Европе и почему, рискуя своей жизнью, посвятила себя спасению людей? На основе многолетних исследований автор рассказывает о судьбе этой невероятной женщины, чьими последними словами миру были «Забудь меня». Ее история показывает, какие удивительные повороты судьбы могут происходить с людьми во времена великих потрясений. На Востоке она известна как «китайский Шиндлер», но ее подвиг был забыт на Западе. Теперь история Цянь Сюлин наконец рассказана. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.581-31
ББК 84(5Кит)-44

ISBN 978-5-04-216175-9

© ФЭНГ С., 2021

© ЭКСМО, 2021

Содержание

Пролог	7
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Сю Фэнг
Забудь меня
Китайская версия «Списка Шиндлера»

«Забудьте меня».

Как можно забыть историю?

Вечерний барабан и утренний колокол

до сих пор эхом отдаются у меня в ушах.

Xu Feng

(FORGET ME)

Copyright © 2021 by ## (Xu Feng)

Russian translation rights authorized by Yilin Press, Ltd. through China Educational Publications Import & Export Corporation Ltd. All Rights Reserved

© Гольбина И.Д, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Пролог

Телефонный звонок через бездну времен

2002 год, поздняя осень, 16:00 по времени Пекина; 10:00 по времени Брюсселя

Телефон зазвонил ровно в договоренный момент. Мягкий старческий голос произнес в трубке с явственным акцентом провинции Цзянсу:

– Здравствуйте! Это Цянь Сюлин.

– Бабушка Цянь! Как вы? Я работаю на местном телеканале. И мне удалось договориться с вашей семьей, чтобы они устроили этот звонок. Может быть, вы хотите что-нибудь сказать своим односельчанам?

– Односельчанам?

– Ну да, бабушка Цянь. Что угодно, что сами захотите. Все очень скучают по вам и хотят услышать ваш голос и узнать ваши мысли.

– О... Но я всю жизнь провела в разъездах по миру. Больше всего я боялась вновь услышать это слово: «односельчане». И мысли свои я лучше оставлю при себе.

– Вам совсем нечем поделиться с ними?

– Я скучаю по родному городку. И мне хотелось бы вернуться. Но я слишком стара и ездить мне нелегко. Теперь я уже точно не вернусь. Тем не менее я им желаю всего наилучшего.

– Хорошо, бабушка Цянь. И вам всего наилучшего. Если у нас появится возможность, мы приедем повидаться с вами в Бельгии.

– Любопытно. Вы действительно могли бы приехать ко мне?

– Ну конечно, могли бы!

– Ладно. Значит, жду вас в Брюсселе! – сухо усмехнулась она.

Однако нам не удалось договориться о встрече. Всегда находилась тысяча причин, препятствовавших ей. А потом пожилая дама умерла.

И неисполненное желание пришлось отложить на шестнадцать лет.

Глава 1

Жером и истории из бабушкиного родного городка

Есть множество вариантов развития истории, которая едва началась. Мне нравится пословица: если повезет со случаем, ты получишь, чего хочешь.

Однако, если честно, я не осмеливался начать с таких нереалистичных ожиданий.

Была ранняя осень прошлого года, когда я встретился с Жеромом. До того момента я получил немало скрытых предупреждений: когда молишься за того, кто мог бы тебе помочь, помощь порой приходит из мира духов.

«Бездна» – как много смыслов в этом слове! Есть старая поговорка, гласящая, что люди на разных берегах реки мыслят разными способами. И только небесам известно, как это получается.

Тем не менее Жером привез с собой настоящий ключ. Несмотря на то, что тогда он не поделился им со мной, он, по крайней мере, позволил мне сделать маленький шаг вперед. Он позволил мне увидеть первую дверь, которую я мечтал открыть.

Если подумать, судьбы всех людей тесно переплетены. Предположите на мгновение, что всемирно известный фотограф не пригласил бы Жерома снимать виды древнего города на берегах Желтой реки – тогда я никогда не познакомился бы с ним, а наша встреча отодвинулась бы куда-то в далекое будущее. И мечта, теплящаяся у меня внутри, никогда бы не созрела.

Однако Жером – человек, который все делает по-своему.

Каждый раз, приезжая в Шанхай, он не посылал ни сообщений по мессенджеру, ни электронных писем, чтобы уведомить друзей. По сути, он вообще не пользовался мобильным телефоном.

Время от времени он мог послать открытку. Это не имело ничего общего с любовью к рукописным текстам. Его близкие нетерпеливо ждали у экранов компьютеров, надеясь получить что-нибудь вроде: «Я приехал. Если есть время, можем повидаться». Его их ожидание несколько не беспокоило. Люди, подобные ему, обладают чем-то вроде интуитивной мудрости. Они следуют за судьбой – куда бы она их ни вела. Возможно, по их мнению, судьба подобна магии? Она может выдернуть двух ничем не связанных людей из человеческого моря и соединить для того, чтобы они вместе прошли какой-то отрезок сурового пути и завязали новый узел отношений.

Кто такой, собственно, Жером? Он – старший сын Цянь Сюлин. Кто такая Цянь Сюлин, спросите вы? Загляните в «Гугл»! Там ей посвящены тысячи страниц.

В тот день мы решили встретиться в городе, на Нанкин-роуд, близ отеля «Хайлун». Жером с женой явились точно вовремя. Поначалу я думал, что старший внук Цянь Сюлин должен выглядеть как китаец. Однако, сидя напротив него, я понял, что он – стопроцентный европеец средних лет.

Очень сложно было по его лицу отследить его происхождение. Обычно для этого достаточно вернуться назад, к истокам, но в случае Жерома приходилось напоминать себе, что кровь – не водица. Так что я представил себе его бабушку – старую седую женщину и один из корней его генеалогического древа.

Сто лет назад, ясноглазой девушкой с жемчужными зубками, она уехала из поместья семьи Цянь под названием Ванг По Паньцяо в уезде Исинь провинции Цзянсу, и долго толкалась в огромной толпе на причале в Шанхае, чтобы сесть на круизный лайнер «Сфинкс», направлявшийся в Европу.

Ее происхождение не было выдающимся. Тот факт, что она получила докторскую степень по химии и физике в возрасте двадцати двух лет, никого не касался за пределами ее ближайшего круга.

Однако, когда ей было около семидесяти, люди из ее родного городка внезапно получили о ней удивительные вести: в тысячах километров от них, в Бельгии, она спасла более ста заложников, став национальной героиней чужой страны.

Событие было слишком значительным, чтобы им пренебречь. Теперь односельчанам было неудобно называть ее дядей Си (люди в Цзянсу обычно заменяют «тетю» на «дядю»). Они всегда считали, что дядя Си – некто вроде знаменитой ученой мадам Кюри. В конце концов, когда дядя Си была молодой, она только о ней и говорила.

Однако Жером сказал мне о ее тогдашних представлениях так: «Возможно, бабушка даже не догадывалась, кем ей суждено стать. Обычно так и бывает, когда события развиваются независимо от наших приземленных планов. В пору нужды происходит божественное вмешательство – оно поставило перед ней препятствия и решительно помешало стать мадам Кюри, несмотря на докторские степени по химии и физике, превратив в управляющую тремя китайскими ресторанами.

Жером много раз приезжал в Китай. Судя по всему, он был любимым внуком бабушки. Его первая «Лейка» была ее подарком. Она хотела, чтобы он взял камеру в Китай и сфотографировал жизнь местного населения и его обычаи. Иногда она громко смеялась над снимками, которые он ей привозил. А бывало, молча уходила на кухню, чтобы не показать слез, струившихся по лицу.

Дедушка Грегори Перлинги был доктором. И очень заботливым человеком. Бабушка всегда говорила, что это его слабость. Однако в нем бушевали греческие гены. Дух противоречия был в нем настолько силен, что выражался даже в отказе менять привычную одежду или пищу и питье. Никто, однако, не сказал бы, что это объясняется его культурной принадлежностью.

За обеденным ли столом, в своей гостиной или на кухне, бабушкина сфера деятельности была крайне ограничена. Никому не нравились ее китайские спринг-роллы или вонтоны. Вафли, печенье, гамбургеры, жареная рыба и стейки – вот что предпочитали ее новые соотечественники. И говорить на родном китайском ей тоже было негде. Ее французский и фламандский были достаточно хороши, но думала она по-прежнему на китайском – с выраженным акцентом провинции Цзянсу. Дома, однако, каждое ее слово имело громадный вес. Детей она воспитывала с истинно китайской строгостью. Если описывать ее методику воспитания одним словом, этим словом будет «сурово».

Жером часто слушал бабушкины сказки – традиционные китайские истории о богине Нуве, починившей небеса, о Чанджи и полете на луну, похищении колокола, пока все закрыли уши, захвате корабля, где находился волшебный меч, о взгляде на небо со дна колодца, об услуге, оказанной отшельником, и много о чем еще. От ее сказок у него словно вырастали крылья, а сердце рвалось вверх, к голубым небесам, перелетало континенты и океаны, следуя за ее мудрыми древними пословицами. Сказать, что с детства Жером проникся китайской культурой будет, конечно, преувеличением. Однако в первый раз, когда он приехал в Шанхай, бабушка велела ему прежде всего купить карту города. Она сказала, что это город, где она выросла. Она обожала его. Бабушка хотела, чтобы Жером прошел по каждой линии на карте собственными ногами – а не проехал на автомобиле. Каждый раз, когда улица заканчивалась, Жером помечал ее на карте красным. Спустя три месяца у него накопилась целая груда мятых, исчерканных красным карт, а еще тысяча фотографий, которые он собирался ей показать.

«К сожалению, ты не добрался до места моего рождения. Это маленькая деревенька на берегах Тайху». Ей не удалось скрыть разочарования, сквозившего в голосе. «Ну ничего. Может, глядя на другие фото, я и сумею не заснуть».

Слова бабушки ледышкой легли на самое дно его сердца. А потом однажды он понял, что ее родина, та деревня на берегах Тайху, где она появилась на свет, является живой частью ее. Это место составляло значительную часть бабушкиной истории, ускользавшую от него, – ее детство и раннюю юность. И теперь он вернулся в Китай, чтобы побольше узнать о ее родных местах.

Пока мы разговаривали, он казался таким мечтательно-сосредоточенным, что можно было подумать, будто Жером слышит, как волны Тайху бьются о берег близ крошечной деревеньки. Сквозь их шум до него доносился смех детей, игравших на пляже. Он слышал звуки бабушкиного детства.

Во время нашего обеда в отеле слово «родина» превратилось в подобие закуски – нет, не закуски, а главного блюда, и даже не одного, а целой их череды.

Глава 2

Древний мост судьбы

Если посмотреть на этот мост издали, в свете заходящего солнца, он похож на скелет динозавра. Некоторые называют его горбом Ванг По.

Название, «Ванг По», восходит к одной старой женщине – правда, отнюдь не к свахе из истории о Золотом Лотосе. В китайском народном эпосе есть тысячи персонажей, подобных ей. Они семят повсюду на крошечных ножках-лотосах, перемещаясь между рисовыми полями и огородами, где растут овощи. Вообще, жизнь у них самая обычная – они просто ведут домашнее хозяйство да исполняют повседневные обязанности. А потом вдруг совершают поступок, который производит переворот в их деревенской общине, и их имена становятся легендой на веки веков.

Ванг По была благочестивой, добродетельной женщиной, и при рождении носила имя Янши. Она славилась своими изысканными вышивками. Еще ее называли Королевой Ян. Муж ее умер молодым, и она блюла свое вдовство, в одиночку растя их единственного сына. Однажды мальчик свалился в реку и утонул. Она столько плакала, что едва не ослепла. Однако, по истечении траура, она решила сделать так, чтобы над рекой, шедшей вдоль главной улицы деревни, появился мост. Возможно, причина заключалась в том, что часто, проходя по берегу реки, она видела детей, которые ехали в школу – им надо было пересечь реку на пароме. Наверное, ей казалось, что и ее сын где-то среди них, а может, она боялась, что и эти дети, подобно ему, исчезнут в набегающих волнах.

Паром был ненадежным – люди боялись переправляться на нем, когда шел дождь или дул ветер, когда капитан болел или днище протекало. Дождаясь своих детей, люди мучились тревогой.

Многие видели, как Ванг По перебирала своими крошечными ножками по берегам реки, уходя далеко в поле, пока ее силуэт не растворялся на горизонте. Куда она ходит, гадали они. Никто не знал этого наверняка. Иногда она пропадала на долгое время, а потом, непогожим вечером, возвращалась с тяжелым заплечным мешком по темной улочке в родную деревню. Кто-то рассказывал, что ее видели в соседних деревнях, где она просила подаяния. Вдова, конечно же, отрицала эти предположения. На самом деле она уходила в деревни, где у нее не было знакомых, и там рассказывала людям, как ее сына поглотили речные воды. Чем дальше, тем больше история обрастала подробностями, и вот, в самом конце, она сообщала, что задумала строительство нового моста, и по лицу у нее струились слезы. А потом вдова заявляла, что собирает пожертвования на это самое строительство.

Никто никогда не узнал, сколько жертвований она собрала, прося милостыню за пределами деревни. Однако спустя всего несколько лет арочный мост из белого известняка дугой перекинулся над бурным потоком, окруженный шелковичными деревьями и полями цветущего рапса. В древних архивах не осталось записей о взносе Ванг По на строительство моста, однако по всей округе о ней ходили легенды.

Практически в любом поколении в любой далекой деревушке ходит какая-нибудь история, служащая людям вдохновением и утешением. Поднимались и падали династии, шли столетия, но Ванг По не канула в бездну времен. Память о ней увековечена в самом камне моста. В Древнем Китае то был способ выражения общественной признательности. Постройка может быть уничтожена, однако она навсегда останется в человеческой памяти. Кто может заткнуть людям рты? Да, их можно лишить пищи, но истории, которые вылетают из этих ртов, не поддаются ничьему контролю.

Однако присвоение мосту имени Ванг По не стало кульминацией ее истории. Впоследствии она сформировала характер всего региона.

Будущие поколения скептически относились к легенде о вдове. Постройку моста приписывали семье Ян – какое отношение имела к нему Ванг По? Исследователи предложили кое-какие объяснения. В период Небесного царства Тайпин (1851–1864) повстанцы и армия поймали и казнили правителя востока Яна Сюцина. Потом они перебили всех представителей семейства Ян – резали, резали и резали! Естественно, Ян По решила сменить имя на Ванг По.

Они говорили, что Ванг По так и не дожидаясь окончания строительства моста. Ходили слухи, что она вознеслась на небо в ту самую ночь, когда две половины моста сомкнулись. Местные жители утверждали, что ее останков так и не нашли – только лужу крови у постели в ее полуразвалившейся хижине и кровавые пятна на одеяле. Кто-то видел пару старых матерчатых туфель на берегу реки. Все сразу поняли, что это означает: она отправилась на поиски своего сына.

Даже более века спустя Ванг По, семена ножками-лотосами, продолжала жить в местных сказках. К сожалению, мост ее оставили разрушаться под воздействием стихий. Бесконечные войны приносили в некогда процветающий Цзяннань одно бедствие за другим. Голодающему народу оставалось лишь надеяться, что Ванг По восстанет из старинных легенд и починит мост своего имени.

В родной деревне Ванг По жила семья Цянь. Главу семейства звали Цянь Шэнсян, и некогда он приложил немало усилий к тому, чтобы поступить в университет – сдать императорские экзамены. В ходе этих экзаменов требовалось написать сочинение, и он написал про то, как Ванг По построила мост. А еще поклялся, что первое, что сделает, добившись успеха, – станет выделять большую часть своей ежегодной зарплаты на восстановление и поддержание моста в надлежащем состоянии. Школьником Цянь Шэнсян каждый день проходил по этому мосту, направляясь в город. Мост был свидетелем его тяги к учению. Однако Шэнсян не рвался, как остальные его однокашники, получить должность в суде. Нет, он вернулся к себе в деревню, где унаследовал от деда поместье, чтобы поставить сельское хозяйство там на научные основания. Он любил землю, любил сельские пейзажи, знал тяготы фермерской жизни и заботы крестьян. Он хотел не только вспахать поля, но также возвращать души и разум людей. Изучая старинные книги, он познал тайные махинации, лежащие в основе государственного управления. Тогда-то в нем и зародилось острое отвращение к политике с ее подводными течениями. Вскоре его любимым чтением стали сборники поэта Тао Юаньмина, которые он неизменно держал возле своей постели.

Чтобы проследить корни семьи Цянь, придется пройти долгий, очень долгий путь. В родовом замке Цянь есть часовня Цянь Лю – с его портретом и мемориальной табличкой. В период Пяти Династий и Десяти Царств (900–960 н. э.) Цянь Лю владел большим имением в уезде Лин близ Ханчжоу – прародине Южного Китая. Раньше, в конце династии Тан, Цянь Лю последовал за Дун Чангом – вместе они боролись с повстанцами и защищали свой дом. В результате Цянь Лю дослужился до поста военного губернатора. Когда же Дун Чанг обратился против императора Тан, Цянь Лю призвали, чтобы он усмирил Чанга, от которого некогда получил губернаторский титул. Своим натиском он оккупировал тринадцать префектур из двух восточных провинций, составлявших на тот момент центр Ханчжоу. Одна за другой правящие династии этих провинций (Тан, поздняя Лян, поздняя Тан) награждали его титулами короля Ю, короля Ву и короля Ву Ю. Он правил 41 год, построил свой величественный родовой замок, посмертно получил титул Великого короля-воина и был похоронен в усыпальнице короля Цянь.

Его род продолжался, разрастаясь в разных направлениях, и одним из его потомков был Цянь Шэнсян, переехавший в северный Чжэцзян и обустроившийся в старинном поместье Ян

Сиань. Это налагало на него определенные обязанности. В роду велись генеалогические книги, и поддержание их считалось долгом следующих поколений. Славу своего великого родоначальника, Цянь Лю, семья Цянь Шэнсяна старалась скрывать. И не только из опасений показаться тщеславными, но и чтобы самим не испытывать разочарования при виде царящей вокруг разрухи.

Цянь Шэнсян выбрал погожий, ясный весенний день, чтобы устроить первый фейерверк в честь постройки моста Ванг По. В деревне существовал давно укоренившийся обычай: каждое благое деяние называлось в честь его вершителя, чтобы имя это не было забыто. Кто-то предлагал переименовать мост Ванг По в мост Шэнсяна, но Цянь Шэнсян категорически отверг это предложение. Он не собирался и уничтожить каменную табличку на опоре моста. Не то чтобы ему не хотелось увековечить свое имя, просто он считал, что это будет бесчестно по отношению к человеку, которого он так превозносил в своем сердце: к Ванг По.

Цянь Шэнсян во многом отличался от других людей. Например, он не имел множества любовниц, как было принято в те времена, не курил одну папиросу за другой и не злоупотреблял алкоголем. К сожалению, здоровый и почтенный образ жизни не подарил ему долголетия. Он скончался в 43 года – в том самом возрасте, когда мужчина только подходит к главным своим свершениям. Новая могила на семейном кладбище Цянь стала последним прибежищем ученого студента Цянь Шэнсяна, безвременно ушедшего из жизни. Она же была свидетельством того, что не существует прямой связи между добрыми делами и удачей или долголетием.

Цянь Сэнсун был вторым сыном Цянь Шэнсяна. Из всех членов семьи Цянь Сэнсун был самым эрудированным, мудрым и трудолюбивым, не говоря уже о ценной способности поддерживать человеческие отношения и блюсти карму, одновременно придерживаясь принципов разумного управления, внушенных ему отцом. От последнего он отличался, однако, куда большим вниманием к роли культуры в личном развитии.

Они с женой произвели на свет трех сыновей и двух дочерей. Всех детей в семье очень любили, но больше остальных Сэнсун выделял младшую дочь, Сюлин. Она была не только самой сообразительной, но обладала и множеством талантов. В три года она наизусть рассказывала стихи Тана и блестяще владела каллиграфией. В сезон цветения Цянь Сэнсун частенько брал ее крошечную ручку в свою ладонь, и вместе они шли по дорожкам между зелеными полями и любовались бегом воды, стоя на мосту Ванг По.

Почему Ванг По уходила из деревни, чтобы собирать деньги в чужих краях? Почему люди в собственной деревне не помогали ей? Сюлин так занимал этот вопрос, что она лишалась аппетита, представляя себе, что Ванг По до сих пор бродит где-то, прося подаяния.

Сюлин указывала пальчиком на большую кучу риса у них в сарае: «Почему мы просто не отдадим это все Ванг По?!»

Глава 3

Родовое имение семейства Цянь

Почему же они не поделили рис между Ванг По и бедняками вроде Ванг По? В определенном смысле это была проблема.

В китайских деревнях, на севере или на юге, на каждого богатого человека приходилось по меньшей мере несколько сот бедняков. Вечный голод делает лицо бледным, а глаза прозрачными. Считается, что бедняки работают за богачей – богачи наживаются за их счет. Позднее мы узнали, что это называется эксплуатацией. В действительности отношения между богачами и бедняками никогда не были столь холодными, особенно в Чжэцзяне. Со времен южной династии Сон (1127–1279) и до сих пор там действовала система долгосрочной аренды. По ней арендатор получал право возделывать хозяйские земли на постоянной основе. В этом заключалась суть их отношений. Однако, если уж говорить честно, пока фермер возделывал земли хозяина, тому невыгодно было этого фермера разорять. И даже если арендатор не выплачивал аренду, хозяин ничего не мог с ним поделать. В общественном устройстве деревни власть землевладельца была ограничена многочисленными традициями, в частности из-за того, что его арендаторами являлись преимущественно родственники. На Новый год землевладелец приглашал арендаторов к себе и вручал подарки, а повседневная их жизнь мало чем отличалась, вне зависимости от статуса. Разница, если и была, заключалась в образовании. Если изучить их быт пристальнее, станет ясно, что богачи жили отнюдь не в роскоши, а бедняки тоже не были лишены определенного комфорта.

Из-за громкой славы, которую Цянь Шэнсян заслужил, починив мост Ванг По, заслуги его сына Цянь Сэнсуна не казались особенно серьезными. По сравнению с отцом, он гораздо больше времени просиживал за книгами. У него определенно имелась склонность к наукам. В их провинциальной деревне это делало его белой вороной. Он часто наезжал в город, чтобы участвовать в каких-то собраниях, суть которых ускользала от его односельчан, и дружил с людьми, головы которых были набиты совершенно новой терминологией. Если вспомнить, какие тогда были времена – 1919 год, по окончании националистской эры, – станет ясно, что из города он привозил в деревню отнюдь не только модные товары. Именно тогда зародилось культурное движение 4 мая. Цянь Сэнсун ходил в город через поля, и его худая фигура вырисовывалась на фоне садящегося солнца. Иногда он добирался туда на моторной лодке. Осенью ему нравилось стоять на корме и глядеть, как удаляется и бледнеет берег под гигантским куполом небес. При себе у него всегда были книги. Никто не знал, как эти книги и фермерство соотносятся с образом жизни, который он вел дома.

Цянь Сэнсун участвовал в благотворительной организации – был президентом местного Общества хранителей каллиграфии. Как ясно из названия, в организацию входили поклонники рукописных текстов. Свою задачу они понимали так: ни один листок бумаги с надписью на нем и никакие инструменты для письма нельзя выбрасывать. Будь то старая газета или просто крошечная записка, ее необходимо тщательно хранить. Он самолично ходил по деревне, собирая в каждой хижине образцы, и затем отправлял их в местный архив на хранение.

Даже безграмотные крестьяне, неспособные прочесть ни иероглифа, питали почтение к родному языку. Такая неявная система ценностей веками влияла на повседневную жизнь людей в мирном Чжэцзяне.

Приближаясь к среднему возрасту, Цянь Сэнсун внезапно решил открыть в деревне школу. Естественно, бесплатную. Каждый ребенок в деревне, богатый или бедный, должен был посещать ее и учить иероглифы. При воплощении своей несколько утопической идеи Сэнсун

столкнулся с кое-какими трудностями – его безграмотные односельчане считали образование роскошью и не стремились к нему. Хотя все помнили о благодеяниях многих поколений семьи Цянь, им казалось, что школа в деревне – что-то вроде лестницы в небо. Некоторые боялись, что другие станут над ними смеяться, если у них возникнут проблемы при чтении вслух. К тому же это отсрочит время, когда ребенка можно отправить работать в поле. Однажды Цянь Сэнсун заглянул к своему старинному арендатору, чтобы узнать, почему его одиннадцатилетний сын не посещает уроков. Фермер ответил: «Ему уже одиннадцать. Я не могу больше кормить его бесплатно. Пора ему выходить в поле и трудиться, как трудится скотина». Цянь Сэнсун вышел из себя. Он поставил фермеру ультиматум: либо тот немедленно выплачивает долг по арендной плате, либо отправляет сына в школу.

Школа разместилась в родовом замке семьи Цянь. Обычно это место тщательно охраняли – двери замка открывались только на Новый год, когда фермеры приходили за подарками, или в другие большие праздники. Теперь же дверь стояла широко открытая, а за ней, в просторном холле, разместился класс с двадцатью учениками из всех социальных слоев. Цянь Сэнсун считал это главным своим достижением. Члены семьи замечали, что нимб над его головой сиял теперь еще ярче, когда он стоял посреди своего пшеничного поля во время осенней жатвы.

Господин Гао был учителем, которого Цянь Сэнсун пригласил преподавать в его школе за плату в виде шести чашек риса в месяц. Несмотря на миниатюрное сложение, он отличался звучным голосом. Рядом с ним люди ощущали прилив вдохновения. Когда он читал вслух, его раскатистый голос прорывался даже сквозь толстые стены родового замка семьи Цянь. Он летел над бескрайними полями. Цянь Сэнсун высоко ценил господина Гао, поскольку тут умел преподавать разные предметы ученикам разного уровня подготовки одновременно. Иными словами, он мог в одном классе, с помощью своих методик, заниматься несколькими предметами, да еще с детьми разного возраста и способностей. Все это происходило в обстановке старинного особняка, в деревушке провинции Чжэцзян, далекой от науки. Господин Гао начал уроки с рассветом и работал в поте лица, поскольку питал огромное уважение к своему ремеслу. Без сомнения, то был результат высоких ожиданий, которые возлагал на него Цянь Сэнсун. А возможно, влиял на него и красный конверт, который Цянь Сэнсун вручал ему в приватной обстановке – всегда плотно набитый. Слушая, как дети декламируют стихи, Цянь Сэнсун духом возносился на небеса.

Если бы нам удалось попасть на один из уроков в родовом замке и оглядеться, мы наверняка заметили бы маленькую девочку, сидящую в первом ряду. Это была любимая дочь Цянь Сэнсуна, Сюлин. Временами она сидела тихонько, временами оживлялась. Господин Гао с самого начала был к ней расположен больше, чем к остальным. Девочка была подвижная, разговорчивая и довольно дерзкая. Однако он быстро привык относиться к ней по-особому из-за ее выдающегося ума. Она с легкостью могла вскочить на ноги и ответить на любой вопрос, который господин Гао ей задавал. Если сравнить его метод обучения с лестницей, то в случае Сюлин можно сказать, что она перепрыгивала с этажа на этаж, отталкиваясь бамбуковым шестом.

Это казалось господину Гао поразительным. Цянь Сэнсун привозил из города книги, содержавшие куда более углубленные сведения по сравнению с теми, что он давал детям в школе, и Сюлин тайком от отца читала их, таская у него с ночного столика или из-под подушки. Правда, семья об этом знала. Цянь Сэнсун был довольно строгим отцом, но что касается чтения, он никогда не ограничивал детей. Естественно, он старался хранить «Золотой лотос», «Историю о камне» и «Роман Западной комнаты», а также другие подобные вещи, вне досягаемости дочери.

Попробуем нарисовать картину детства и юности этой девочки-вундеркинда из китайской деревеньки, Цянь Сюлин. Она была храброй, острой на язык, открытой, жизнерадостной, необыкновенно умной и всегда готовой прийти на помощь другим. Вне всякого сомнения,

нельзя недооценивать влияние, которое оказала на нее учеба в многолюдном классе домашней школы в родовом замке Цянь. Школа, однако, не могла удовлетворить аппетита Цянь Сюлин к знаниям. Очень быстро она устала от уроков господина Гао. Хотя она никогда не позволяла себе задремать или еще как-нибудь помешать другим, господин Гао не раз замечал, что она потихоньку читает популярные романы, пока он страстно толкует очередную главу изучаемого текста. Однажды он велел ей встать и наизусть прочесть «Древние мудрости» Чжуге Ляна. Цянь Сюлин прочла их на одном дыхании, не пропустив ни слова, а потом застенчиво спросила господина Гао: «Рассказать мне еще «Новые мудрости»? Господин Гао был поражен: «Мы же их еще не проходили! Ты правда можешь их рассказать»? Мгновение спустя Цянь Сюлин уже декламировала:

Император понял, что Шу Хан и Цао Чжи не могут существовать бок о бок. Монархии невозможно процветать без того, и он приказал своим военачальникам пойти и покорить Цао Чжи силой. Из-за положения императора и способностей его офицеров с самого начала было ясно, что они выступают против врага, превосходящего их. Но если не выступить, это приведет к падению императорского царствования. Оставалось либо сидеть и ждать смерти, либо идти и сражаться. В результате монарх отправил войска, которые также не колебались.

Военачальники получили приказ, потом погрузились в сон и поели без воодушевления. Чтобы добраться до севера, надо было сначала устроить кампанию против юга. Поэтому на пятый месяц они перешли Люшу и вступили на голые равнины. Пищи не хватало, и солдат кормили раз в два дня. Военачальники и о себе забыли тоже, думая лишь о том, как защитить монарха, власть которого была под угрозой, пока он находился в Шу. И так они преодолели множество препятствий, чтобы исполнить его желание. Возникали, однако, и споры насчет его плана. По совпадению враг испытывал трудности, поскольку недавно подавил восстание на западной границе и боролся также с вторжением Су Ву на востоке. Искусство войны гласит, что нужно пользоваться слабостью врага и пускаться в атаку. Наступил подходящий момент, чтобы совершить нападение. О том, что произошло далее, я сейчас же торжественно сообщу.

Мудрость древнего императора сравнима с солнцем и луной. Опыт монаршего стратега был обширен, а его планы – всеобъемлющи, однако и с ними армии пришлось преодолеть немало преград. Много было убито и ранено, прежде чем удалось добиться мира. Теперь его величество нельзя сравнить с великим предшественником, и его стратеги – не ровня Чжугэ или Шэньпину. Думал он измотать противника в войне, чтобы одержать победу над ним, а потом установить мир во всей стране. Этого-то и не понял его советник...

Шок постиг господина Гао в середине 1920-х годов, погожим солнечным утром. Самым суровым голосом, какой себе может позволить деревенский учитель, он сообщил Цянь Сэнсу, что если он хочет, чтобы его маленькая принцесса раскрыла свой потенциал, ее надо как можно скорее отослать из родового поместья Цянь. Ей надо ехать в город – и не в маленький городок, вроде Исиня. Как минимум, ей следует отправиться в Сучжоу, да-да, в Сучжоу, где она продолжит учебу и у нее откроются бескрайние возможности для будущего.

В этот момент на сцене появляется новый персонаж. Это человек, с которым Цянь Сэнсу подружился в старом городе, некий Ву Сичжэн. Семья Ву была самой уважаемой в старом городе, а Ву Сичжэн – ученым с высочайшей репутацией в конце периода Цинь. Они с Цянь

Сэнсу сразу же сошлись – рыбак рыбака видит издалека, как они сами говорили. И это оказалось не просто случайное знакомство, продлившееся год или два. Семья Ву владела более чем половиной всех магазинов на улице Гинко в старом городе. А вокруг него ей принадлежало около тысячи му плодородных земель. Ву приглянулись деликатные, хоть и провинциальные манеры его друга Цянь Сэнсу и то, что он не напускал на себя ученого вида. У Ву Сичжэна был сын, Ву Чонгхи, того же возраста, что любимица Сэнсу. Однажды, выпивая, они договорились поженить детей, когда те подрастут. То, что дети не были знакомы между собой и между ними могло не возникнуть любви, нисколько их не беспокоило. Оба считали: воля родителей и слово свахи с древних времен являлись основой крепкого брака.

Школьные успехи юной Сюлин стали частой темой разговоров Цянь Сэнсу и его друга, Ву Сичжэна. По мнению Сичжэна, Сюлин была еще слишком юной, и ее следовало отправить сначала в среднюю школу для девочек, и только потом в Сучжоу. Цянь Сэнсу считал, что тут отчасти проявляется личный интерес Сичжэна. Он знал, что Ву Сичжэн уделяет большое внимание будущей невестке, а если она придет учиться в город, то окажется в непосредственной близости от его дома. С точки зрения Ву Сичжэна, ей следовало и дальше потихоньку учиться, заниматься логикой, усваивать хорошие манеры – это будет очень кстати. Но если она сразу уедет в Сучжоу, то окажется вне сферы влияния семьи. Случись что, и трудно будет вновь взять власть над ней. Примерно так думал и Цянь Сэнсу. Честно говоря, он тоже не хотел отпускать Сюлин слишком далеко. В конце концов, она его дочь. Хотя их дружба с Сичжэном основывалась отнюдь не только на брачных планах в отношении детей, слово джентльмена обязывало. Он не хотел упустить такой шанс из-за собственного нечаянного просчета.

Ву Сичжэн был попечителем уездной средней школы для девочек. По правилам на нем лежала ответственность за отбор учениц, проходивших в школу без экзаменов. Однако Цянь Сэнсу настоял на том, чтобы Сюлин приняла участие в довольно большом конкурсе и сдала экзамены перед поступлением. В результате его возлюбленная дочь успешно поступила в школу, став по результатам конкурса первой.

Документов, относящихся к периоду обучения Цянь Сюлин в школе, найти не удалось. Однако есть кое-какая информация в генеалогической книге семьи Цянь. Там упоминаются влиятельные люди, с которыми она встречалась. В том числе – ее старший двоюродный брат, Цянь Чжолунь. Чжолунь был гораздо старше Сюлин – ему уже исполнилось двадцать три года. Хотя технически они принадлежали к одному поколению, разница в возрасте заставляла Сюлин смотреть на него скорее как на отца. Чжолунь, конечно, не был столь же строг, как ее отец, однако он очень заботился о своей любимой младшей сестренке. В то время семья Цянь Чжолуня переехала из их старого дома в деревне Ванг По на улицу Академии у северных ворот уездного городка. По выходным Цянь Сюлин часто убегала из общежития для девочек при школе, чтобы поужинать в доме у «старшего брата» Чжолуня. Чжолунь учился в Военном университете, и Сюлин нравилось слушать его рассказы и анекдоты про военную школу. Ее кумиром на тот момент была не легендарная строительница моста Ванг По, а ученая с другого конца света по имени мадам Кюри. Чжолунь некогда увлекался историей древнего борца со злом Чжоу Чу, но теперь был без ума от французского генерала Наполеона. Из Военного университета ему нелегко было вырываться домой, однако, как только появлялась возможность, он стремился насладиться их редкими совместными ужинами и мелодичным голосом Сюлин, всегда присутствовавшей на семейных собраниях. Они, например, по очереди тянули соломинку и рассказывали стихи Тана – наградой служила первая ложка жареного сладкого картофеля или дольки плодов гинко. Сюлин радостно восклицала: «О, я переела, больше не могу!» Был у нее и еще один кузен, Чжулу. Он славился своими розыгрышами. Тогда Чжулу учился в местной школе. На каждом ужине он устраивал какую-нибудь шутку или представление с переодеванием, от которых гости сгибались пополам от смеха.

Однажды Чжолунь купил в старом квартале Нанкина журнал со статьей про мадам Кюри. Он обернул его в подарочную бумагу и преподнес Сюлин. Он не догадывался, что журнал не только порадует сестру, но и изменит ход ее будущего. Однажды она обратилась к Чжолуню, желая обсудить серьезный вопрос: она хочет поехать в Сучжоу учиться. Она слышала, что средняя школа для девочек в Сучжоу находится среди новеньких мостов и древних улиц старого города. Само здание выстроено в классическом стиле, характерном для Сучжоу. Говорят, там прекрасная атмосфера, а школьная форма очень красивая.

Завершила она все это решительной фразой: «И я нисколько не боюсь!»

Чжолунь засмеялся. Таковы были все в их семье Цянь. Он согласился лично пойти и переговорить с дядей Сэнсуном от ее лица. У него было одно характерное движение – пальцем он указывал на кончик своего языка. Когда Чжолунь был ребенком, у него на языке появились язвы, и деревенский врач заявил, что язык придется отрезать. Многие его поддержали – да этот лекарь гений! Однако без языка что за будущее ждет ребенка? Удивительно, но Господь обратил свой взор на мальчишку с язвами на языке, и доктор Янг, врач из Шанхая, преподававший в университетском госпитале, спас ребенку язык. После выздоровления Чжолунь обрел потрясающую дикцию и стал выражаться изысканно и красноречиво. Однажды он пошутил в присутствии брата и сестер, что единственным разочарованием в его жизни будет не раскрыть в полной мере потенциал собственного языка.

Никто не знал, как Чжолуню удалось убедить дядю Сэнсуна, однако после того визита Цянь Сэнсун дал свое согласие. Отец Сюлин не стал противиться ее внезапному порыву. Единственное, что он ставил ей в вину, – то, что она не пришла поговорить с ним сама. Возможно, Цянь Сэнсуна покорила юношеский задор племянника, Чжолуня. А может, дело было в том, что и сын Ву уезжал учиться. Цянь Сэнсун не хотел, чтобы его дочь уступала в учености будущему жениху.

Позднее Сюлин обнаружила у отца на рабочем столе свиток, только что написанный Чжолунем:

Века почестей завоевываются достижениями в науках.

Ее отец высоко оценил каллиграфические способности Чжолуня. Хотя его племянник пошел по военной стезе, у него осталась душа ученого, и он ежедневно упражнялся в рисовании иероглифов, никогда не порывая связи с каллиграфией. В его писаниях прослеживалось сходство с манерой Ванг Юхуна, а по мастерству и тщательности исполнения они никак не выдавали его возраст, хотя и отличались юношеской свежестью.

Отец написал Сюлин письмо. Он хотел отвезти дочь в город, с визитом к Ву, на улицу Гинко. Просто свозить в гости. Честно говоря, он хотел заранее дать Сюлин понять, что она станет членом семьи Ву. Однако она резко отклонила его предложение, объяснив это тем, что юноше и девушке не стоит знакомиться преждевременно. К тому же она еще не вступила в брачный возраст, и ей нечего делать в чужом доме.

Прежде чем отправиться в Сучжоу, Цянь Сюлин в последний раз вернулась в поместье Цянь. Она вышла из восточных ворот старого города, миновала деревянный мостик, прошла через крошечную рыбацкую деревню на озере Санлидун, потом мимо храма Вули направилась на восток, и через несколько километров добралась наконец до расшатанного моста Ванг По. Мы не знаем, о чем она думала, стоя там и наблюдая за тем, как воды реки медленно катятся к востоку.

Возможно, она размышляла о своем будущем. Старое поместье Цян вырисовывалось на фоне неба, и в душе ее царил безмятежность. Что бы ни ждало ее, она не верила, что полностью оторвется от родных краев. Туманные романтические фантазии проносились в ее голове. Торопливые шаги не могли угнаться за юными мечтами. Несмотря на приподнятое настроение, она вдруг испытала укол неопишуемой грусти.

Она явилась официально попрощаться с господином Гао, всячески поддерживавшим свою ученицу. Внезапно Сюлин расчувствовалась. Господин Гао стал очень худым, а беспрестанный кашель и выступающие скулы заставляли беспокоиться о его здоровье. Пока он говорил, на лбу у него выступили капли пота. Господин Гао по-прежнему вел уроки в бесплатной школе при поместье, которая теперь носила название Всеобщей Академии. Ее отец молчал – но не так, как раньше. Сюлин думала, что дело не только в грядущем расставании: похоже, он чем-то обеспокоен. Что будет с ней, когда она вылетит из родительского гнезда? Никто не мог этого знать. Помолвка с сыном семейства Ву была грандиозным событием в ее жизни. Однако она стремилась к независимости, и блестящий ум уже начинал давать свои плоды. Добросердечная и скромная мать Сюлин редко высказывала свое мнение в их большом доме. Она походила на гусеницу шелкопряда, которая только и знает, что трудиться над бесконечной нитью. Мать переговорила с ней наедине, сказав, что ее отец уже несколько дней не может спокойно спать. Что-то говорит ему, что его дочь ждет необыкновенная судьба – не как у других людей. Если она хочет лететь, никто не станет мешать ей.

– Лин, ты правда хочешь лететь? – Мать обняла ее со слезами на глазах.

– Я вернусь, мама, в знак уважения к тебе и к отцу.

Однако десятилетия спустя, вспоминая о том дне, она сказала: «В конце концов, я написала эссе о том, как в юности уехала из Исиня. Я чувствовала себя как птичка, взлетающая в небеса. Рассчитывая когда-нибудь вернуться, я уже мечтала о том, чтобы изменился весь мир, и я вместе с ним».

Глава 4

Река Хуанпу, одна ты меня понимаешь

В документальном фильме, снятом Татьяной, сестрой Жерома, мелькает старое фото. Это групповой снимок женской баскетбольной команды университета Датун, сделанный в республиканский период, в шестой месяц восемнадцатого года. На снимке – хорошенькие девушки в спортивной форме по моде того времени. Они стоят ровно в линию. Их нежные личики застыли на пленке полвека назад. Фотография уже желтеет, но все девушки узнаваемы. Третья слева, с круглым лицом, улыбающаяся, не разжимая губ, это Цянь Сюлин.

Но почему она не поехала в Сучжоу? Что она до сих пор делает в Шанхае?

Если считать по календарю, восемнадцатый год республиканского периода – это 1929-й. Цянь Сюлин на этом снимке должно быть семнадцать лет. Она уже закончила обучение в школе для девочек в старом Сучжоу, на что у нее ушло всего два года вместо трех. Перескакивать через классы было для Цянь Сюлин не в новинку. Просто сказать, что она отличалась тягой к науке, значит пренебречь ее редкостным трудолюбием.

Бледно-голубая футболка с длинными рукавами, темно-синие шорты, короткая стрижка-каре, спортивные туфли и название школы белыми буквами на груди – таковы были модные стандарты для девушек-студенток после периода 4 мая. Надевая длинные юбки, Цянь Сюлин прятала за ними стройную фигуру, но мысли свои она сдерживать не собиралась. Позднее она подарит фотографию своей внучке Татьяне. И это будет единственный ее снимок, имеющий отношение к Сучжоу.

На заднем плане видна высокая труба и фабрика рядом с ней. Фабрика стоит на берегу реки. Река чиста. Так выражаются мощь и противоречия индустриальной цивилизации и старого Сучжоу. Не совсем понятно, что это за фабрика. Для новых женщин периода 4 мая, таких как Цянь Сюлин, поднимающиеся в небо заводские трубы символизировали одновременно науку и цивилизацию. По сравнению с пагодой Хуку, садом Скромного Правителя или горой Небесная Лестница и другими историческими достопримечательностями такой фон лучше передает дух времени. Девушка на фотографии выглядит спокойной; лоб до бровей закрывает челка. На ней свободный кожаный жакет и трикотажная юбка. На ногах лаковые туфли на высоких каблуках. Если сравнить это фото с теми, где она младше и еще живет в маленькой деревушке в Чжэцзяне, становится ясно, насколько Цянь Сюлин оторвалась от своих деревенских корней. Все ее существо пронизано духом современности.

Фотография предсказывает то, что должно было произойти с ней в будущем. Она была образцом прилежания и добродетели. Получала наивысшие баллы по математике. На экзаменах в средней школе для девочек провинции Сучжоу никто не мог соперничать с ней. Но самое главное – Сучжоу и Шанхай находились близко друг к другу. А международная азиатская столица открывала перед людьми огромные возможности. Настоящий рай для мечтателей и искателей приключений.

Старший брат Цянь Сюлин Чжулу уже учился на факультете металлургии в шанхайском университете Джао Тонг. Младшая сестра оставалась в его тени, несмотря на то что отлично училась и была первой во всем. К тому же Сюлин знала о дальнейших планах брата: он будет сдавать экзамены, чтобы в десятке лучших поступить в Бельгии в Лёвенский католический университет.

Далекая Европа! В то время в сердце Цянь Сюлин по-прежнему царил ее давний кумир – мадам Кюри. С тех пор как Чжолунь подарил ей журнал со статьей о достижениях мадам Кюри, Сюлин тщательно следила за всеми новостями о ней. Каждый раз, когда ее имя появлялось в

прессе, Сюлин брала ножницы, вырезала заметку и клеивала в свой альбом. Она знала, какие материалы мадам Кюри опубликовала за прошлые годы и в чем состояли ее достижения. В глубине души Сюлин мечтала стать ближе к мадам Кюри... а потом еще ближе, и еще.

Цянь Сэнсуну приходилось оплачивать сразу двоим детям образование в Шанхае. Это было для него нелегко. В Чжэцзяне в 1920-х годах происходили беспорядки, повстанцы сражались между собой, да к тому же год за годом выдавался неурожайным, так что вокруг царил разруха. Тем не менее решимость Цянь Сэнсуна выучить своих детей нисколько не поколебалась. В семье его ближайшего друга и будущего родственника, Ву Сичжэна, имелось трое студентов университета, и все учились за границей. Он наблюдал за тем, как Ву Сичжэн акр за акром продавал свои плодородные земли в окрестностях города, чтобы платить за учебу своего младшего брата Ву Дайю и племянника Ву Чонлена во Франции. Третьим был его сын, Ву Чонгхи, нареченный Сюлин, который недавно сдал экзамены в Лёвенский университет.

Сюлин хотела вместе с братом Чжулу поехать учиться в Лёвен. Чжулу первым заговорил об этом с их отцом.

Брат и сестра часто ссорились, но когда доходило до серьезных вопросов, между ними воцарялось полное понимание.

Некоторое время Цянь Сэнсун не мог принять решения. Все упиралось в стоимость обучения. Один подготовительный год в Лёвене стоил тысячу серебряных долларов. Это была по-настоящему крупная сумма. В старом Исинье месячная зарплата офицера полиции равнялась паре серебряных долларов. На эти деньги можно было содержать большую семью. Цянь Сэнсун поддерживал решение сына ехать учиться за границу, отчасти следуя примеру своего друга Ву Сичжэна. Однако, что касается Сюлин, у него имелись некоторые опасения. Дочь – драгоценнейшее сокровище матери и отца, зачем ей уезжать в такую даль от них? Почему она не может остаться и продолжать учебу в Китае? К тому же Сюлин предстояло рано или поздно стать членом семьи Ву. Сэнсун измучился от тревоги и постарался просто изгнать неприятные мысли у себя из головы.

Учась в Китае, Сюлин легко справлялась с любыми препятствиями. Она без усилий сдала экзамены в подготовительный класс университета Джао Тонг. Университет этот был частным и очень известным. О нем ходила пословица: на севере – Нанькай, на юге – Джао Тонг.

Она смотрела, как пассажирские пароходы, пуская из труб дым, медленно причаливают к берегу реки Хуанпу. С них спускались люди всех цветов кожи. Цянь Сюлин представляла, как худая пожилая дама идет по сходням прямо к ней. У дамы седые волосы, высокий лоб, ясный взгляд под светлыми бровями и жесткая линия губ – именно такой она тысячи раз вставала перед мысленным взором Сюлин. Это была мадам Кюри.

Внезапно Сюлин поняла, что стала к ней гораздо, гораздо ближе.

Часто она стояла на берегу реки и просто перебирала мысли у себя в голове. В модных кафе на набережной это почему-то не получалось. Размышлять – таково было ее хобби. Ей казалось, что только волны реки Хуанпу понимают ее. И ведут с ней беседу.

Она всегда пристально следила за деятельностью мадам Кюри. В тот год знаменитой ученой исполнилось шестьдесят два. Осенью одному китайскому студенту, выпускнику факультета физики из университета Цинхуа, по имени Си Сийян, выпала удача стать учеником мадам Кюри. Она пригласила его к себе в исследовательскую лабораторию, заниматься изучением радиационной химии. Вот ведь счастливец! Его пример вдохновил Сюлин: «Отлично, братец Си! Ты прокладываешь путь для младшей сестры, которая тоже попадет к мадам. Я последую за тобой!»

В тот год еще один китайский студент, Чжен Дачжан, получил от мадам Кюри приглашение в лабораторию. Ее дочь, Ева Кюри, даже приехала в Китай с визитом и написала статью под названием «Интервью из воюющего Китая». Она писала о Чан Кайши и его конфликте с Гуаньси, о захвате Китайско-Восточной железной дороги Чжан Сюэляном, о генерале Сун

Чжэюане, о Сун Лянчане и его двадцати семи солдатах, сражавшихся с Чан Кайши, а также о начале войны между Чан Кайши и северными войсками Фэн Букси. А потом о последствиях, которые война имела для китайского народа.

В конце статьи Ева Кюри упоминала о том, что мадам Кюри глубоко уважает своих китайских студентов и очень беспокоится об их судьбе.

Ей было посвящено всего пару строк, однако они пламенными воззваниями запечатлелись в сердце Цянь Сюлин.

Пока поступали хоть какие-то новости о мадам Кюри, Цянь Сюлин ни на минуту не расставалась с ее образом.

Например, Ван Вейки, переводчик с китайского, по возвращении на родину рассказывал о лекции, которую мадам Кюри читала в Парижском университете так:

Когда она говорит, голос ее течет, подобно спокойной реке. В нем есть музыка – он похож на звуки органа, уносимые далеким ветерком. Она выражается очень точно, но без экстравагантности, изысканно, но доступно. Ее слова весомы, но не подавляющи. Она может взять физическую формулу и перенести ее в воображаемый мир, похожий на детскую сказку.

Эти добавления в «Альбом мадам Кюри», который вела Цянь Сюлин, подталкивали ее к новым мечтам о встрече с ученой дамой в далекой Европе. Девочка, предававшаяся им, уже готовилась воплотить свои планы в жизнь.

По сравнению с характером Сюлин в младшей школе, она теперь стала еще более активной и дерзкой. Она любила спорт – в первую очередь баскетбол. Несмотря на невысокий рост, она бегала очень быстро и прыгала очень высоко. Люди называли ее «София на переднем фланге». Она с радостью участвовала в любых соревнованиях. Ее отличало психологическое равновесие; она стабильно получала высшие оценки по математике, а также по английскому языку, письменному и разговорному. И учителя, и одноклассники восхищались ею.

Однажды Сюлин получила письмо от отца, в котором он просил, чтобы она приехала домой на выходные. Сюлин показала письмо Чжулу. Чжулу состроил гримасу: «Скорее всего, это чтобы встретиться кое с кем! И ты наверняка знаешь, с кем именно». Сюлин призадумалась, и неловкость отразилась на ее лице. «Знаю. Но времена меняются, так ведь? Разве мы не хозяева своей судьбы?»

Эти слова прозвучали из самой глубины ее души. Они напугали Чжулу.

Цянь Сюлин не подчинилась требованию отца вернуться в те выходные в старое поместье Ванг По Цянь, однако она послала ему ответное письмо.

В письме она объясняла, что приближаются выпускные экзамены в школе, и сейчас она не может отлучаться. А еще впервые упоминала о своей мечте стать одной из учениц мадам Кюри. Она хотела поехать в Бельгию вместе с братом, Чжулу, и учиться в университете Лёвена.

Цянь Сэнсун испытал острое разочарование, когда узнал, что дочь не вернется на выходные домой. В те самые выходные Ву Сичжэн собирался приехать в поместье семьи Цянь вместе с сыном, Ву Чонгхи, так что отец действительно подстроил ей ловушку. Ву Чонгхи уже был зачислен в Лёвенский университет в Бельгии и приехал на зимние каникулы повидаться с семьей. Хотя лицом мальчик не вышел – по мнению Цянь Сэнсуна, – у него был вид культурного, образованного человека. Он казался очень закрытым и мало говорил, а если и произносил пару слов, то весьма неловко. Похоже, он обещал стать настоящим ученым, с головой погруженным в науку.

Цянь Сэнсун видел Ву Чонгхи еще ребенком, но и теперь нашел его вполне подходящим кандидатом на роль жениха для дочери. Юноша был честный, разумный, очень вежливый. Единственное, чего ему не хватало, – это отцовского красноречия и остроумия.

За ужином Цянь Сэнсун заговорил о том, что Чжулу и Сюлин оба хотят учиться в Лёвенском университете в Бельгии. Ву Сичжэн одобрил их план. Он вообще поддерживал стремление Сюлин к учебе. Если она сдаст экзамен, они с Чонгхи смогут видеться каждый день. И

прекрасно позаботятся друг о друге. Немного выпив, он предложил даже помочь семье Цянь с оплатой образования за рубежом: «Тогда под крышей дома Ву будет четверо заграничных студентов!»

Цянь Сэнсун максимально вежливо отклонил его предложение.

В покровительственных словах Сичжэна вовсе не было злонамеренности. Однако Цянь Сэнсуну с его прямохой сельского жителя и независимостью не годилось принимать подаяние – даже от близкого друга. Пусть Сюлин предстояло войти в семью Ву, пока что она была дочерью семьи Цянь. Если богатые Ву продают свои земли и собственность, чтобы оплатить обучение детей за рубежом, почему Цянь не могут сделать то же самое?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.